

КРОКОДИЛ

№ 33 НОЯБРЬ

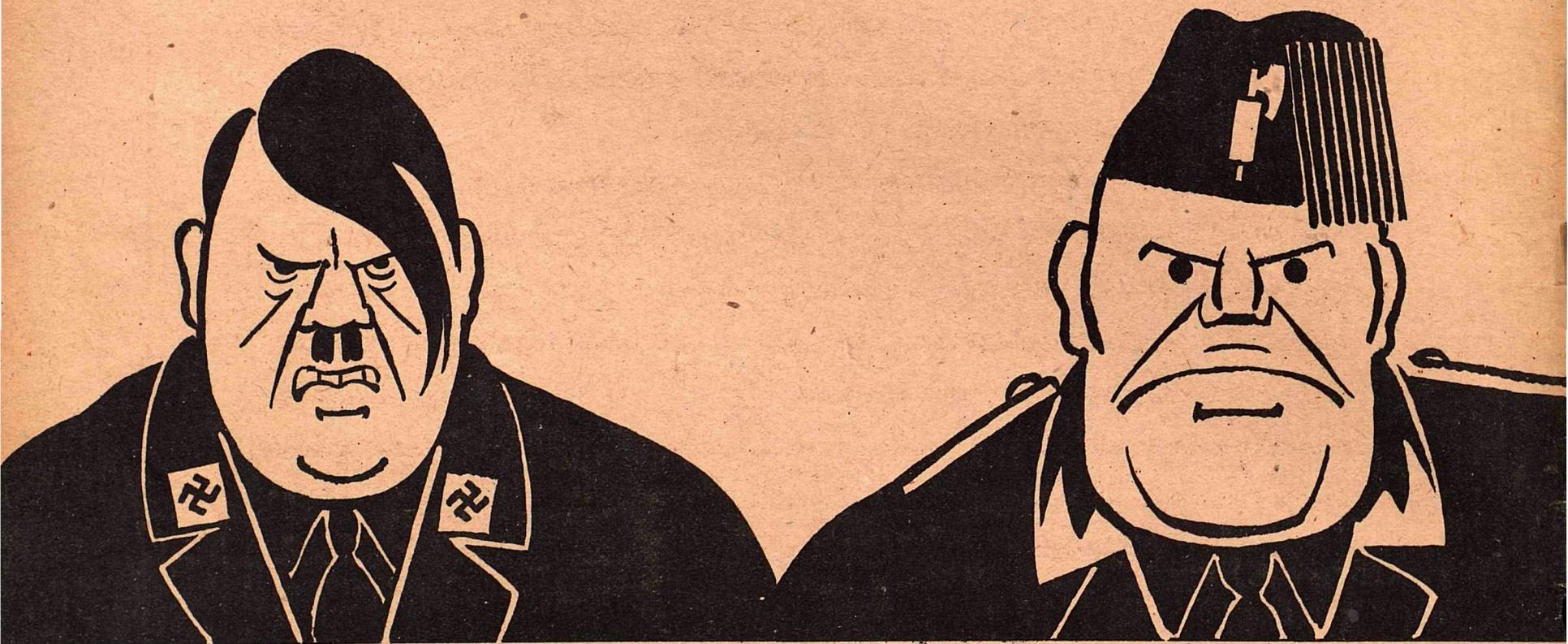
МОСКВА 1936

Не столько гнуснейшему
из подлецов и подлейшему
из лакаев — франко, сколько...

По законам всего мира, за собаку отвечает
хозяин. Посмотри эту страницу на свет, и
ты увидишь хозяев этой кровавой собаки.

...его хозяевам и
покровителям
посвящает
Крокодил
Этот
номер.

В практике международных отношений принято по разным поводам выпускать книги разных цветов и оттенков, составленных из обилия документов.

Крокодил считает себя в праве воспользоваться установленной дипломатической традицией и назвать этот свой номер "Черной книгой"

Сначала мы хотели посвятить ее генералу Франко, но потом раздумали, и вот почему. Пересказывая Кузьму Пруткова, про потенного генерала можно сказать: "Се собака, а не лев." Ведь несмотря на всю свою свирепость, Франко лишь послушно выполняет волю своих хозяев. Посвятить книгу собаке, хотя она и носит генеральский мундир, по воскресеньям молится богу, а во все дни недели в розницу торгует родной землей, - нет смысла. Наша "Черная книга" посвящается в первую очередь тем, кто выдрессировал мятежных генералов, рвущих живое тело Испании своими бронированными на гужовой счет клыками. Посвящается она также и тем, кто подобно английскому лорду Тимпту, достойному члену "Общества любителей библиотек", взирал невидящими глазами на разгул интервенции в Испании.

Однако, в нашей "Черной книге" будет сказано и о марокканцах, которые за обещанный рай с курями, превращают в пылающий ад испанские города и деревни. Будет и о "доблестных" летчиках, которые дворцы и музеи превращают в пылающие развалины, а беззащитных жителей в кровавую кашу.

О храбрых истинно испанских гвардейцах, от которых за километр несет перегар штилеровского пива. Об итальянских танкистах, которые проверяют на испанском народе боевой опыт разбойничьей войны приобретенный в дымящейся еще Абиссинии . О многом другом, что великим гневом накаляет сердца трудящихся всего мира.

Мрачный черный цвет чередуется у нас с красным. Это цвет крови и цвет народной победы, которая будет!

Верим и знаем - будет!

ИЗ ИСПАНСКИХ КОРРЕСПОНДЕНЦИЙ

Мы печатаем выдержки из помещенных за последние три с половиной месяца в „Правде“ испанских корреспонденций редактора нашего журнала тов. Мих Кольцова.

... Немцы заняты отлогим зеленым склоном горы Наранко. Они предполагают здесь республиканские батареи, которые и в самом деле еще вчера обстреливали отсюда казармы. Методически, аккуратно, как на маневрах, немцы покрывают весь склон, три на три километра, сплошной площадью взрывов. Земля дрожит от громов. Через двадцать минут сброшено около восьмидесяти бомб. Пылают два больших санатория. Вся гора дымится черным дымом. «Юнкерсы» уходят, через полчаса возвращаются и начинают сначала. Они решили не оставить невзорванным ни одного вершка на горе Наранко. Так авиация Гитлера вступает в новую мировую войну.

... Ночью в кинотеатре в Тардиенте при раскаленном внимании идет кинофильм. Черные береты надвинуты низко на брови, глаза широко расширены, Василий Иванович Чапаев в широкой бурке мчится по холмам, и холмы похожи на здешние, арагонские. Черные береты жадно следят, как Василий Иванович объединяет приуральских крестьян против помещиков и генералов, как он бьет своих, русских белогвардейцев, тоже похожих на здешних, испанских...

Василий Иванович готовится по карте к завтрашнему бою, а Петьке не спится, он разглядывает с палатой своего командира.

— Гляжу я на тебя, Василь Иваныч, недоступный ты для моего разума человек... Наполеон... Прямо — Наполеон.

Он спрашивает Чапаева, мог ли бы тот командовать в международном масштабе. И Василий Иванович, смущаясь, отвечает:

— Нет... Не сумею... Языков не знаю!

Но он недооценивает себя. Язык Василия Ивановича стал понятен всему миру.

... Восемь женщин пришли 13 сентября в Лериду из деревень Сиера и Люна. Вступив в эти деревни, фашисты стали насиловать девушек, а их матерям стричь наголо головы машинкой и гонять затем по улицам. Восемь женщин после этого издевательства бежали из деревни. Волосы — главное украшение испанки: и старой и молодой, и богатой и нищей. За волосами испанская женщина бесконечно ухаживает, затейливо их завивает. Но восемь крестьянок выставили свои стриженные головы перед всеми, позор они превратили в отличие.

— Мы не хотели, но фашисты сделали нас солдатами. И мы будем воевать как солдаты, пока волосы наши не отрастут до плеч.

...Кадровый офицер германской армии, высокий, худой, угловатый, в очках, сидит рядом со мной на траве, отмечает в книжечке взрывы гранат, подсчитывает возможную мощность огня. Несколько шрапнелей висит очень низко над головой, бойцы невольно втягивают головы в плечи. Он ободряюще посмеивается.

— В мировую войну было покрепче!

Этот офицер сейчас не числится в списках рейхсвера, он числится в других списках. Германская империя наградила его за боевые заслуги тремя годами мучений и пыток в концентрационном лагере. Как могло быть иначе — ведь офицера зовут Людвиг Ренн?

Едва оправившись от трех лет фашистского застенка, прекрасный немецкий писатель спешит на изрытые снарядами поля Кастилии, под огонь германских бомбардировщи-

ков и истребителей. Он пишет и здесь — не новеллы, а руководство для солдат, полевую тактическую азбуку. Как могло быть иначе — ведь писатель этот — коммунист, его зовут Людвиг Ренн?

... Вечером, перед десятью часами, когда улицы должны погрузиться в полный мрак, на тротуарах собирается уйма народу. Настроение бодрое. Уличные прохожие окружают слепого музыканта у подножия памятника, бросают ему медь в шляпу, он играет на скрипке «Интернационал», а толпа поет. Не какая-нибудь организация, или милиционная часть, или общество — просто толпа на улице поет «Интернационал».

... Бедный Мадрид! Его считали таким беззаботным, таким безопасным, таким благополучным городом. Мировая война миновала его. Сейчас же он испытал только за пятнадцать дней больше, чем другие европейские столицы за годы войны. Город сам стал полем битвы.

... Этот народ, долго прозябавший в нижнем левом углу материка, никому по-настоящему неизвестный, только изредка угрюмо позировавший перед фотоаппаратами богатых туристов, вдруг стал во весь рост перед миром.

Это он первым за последнее десятилетие полностью принял вызов фашизма и, отказавшись стать на колени перед испанскими учениями Гитлера и Муссолини, вступил с ними и с их учителями в вооруженную схватку на всей территории страны.

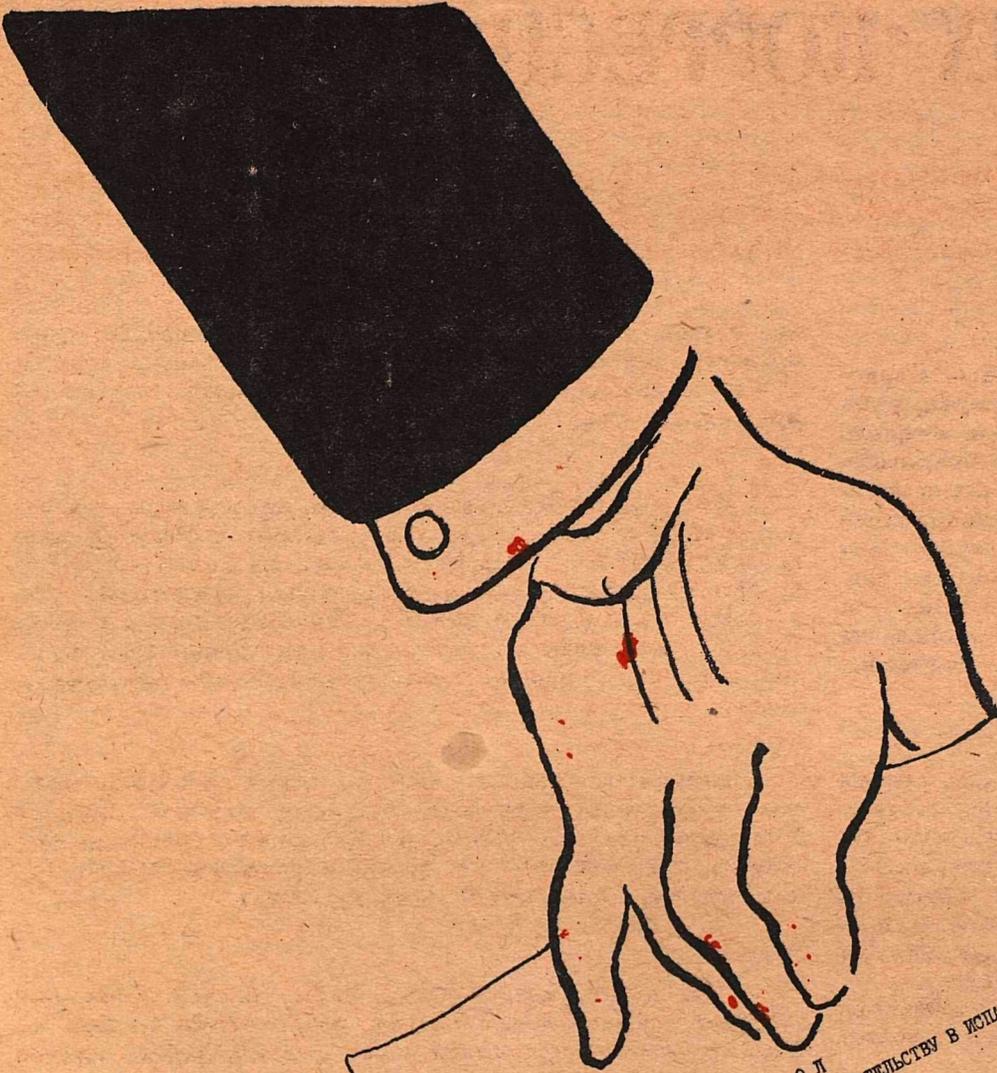
Перед огромным амфитеатром «нейтральных» зрителей фашистские убийцы хотят — как опытные торреро деревенского быка — заколоть, прикончить испанский народ, все достойное, гордое, честное в нем, оставить в живых только тех, кто согласится быть рабами, покорно целовать руки господам.

Но народ — не животное для убоя — палачи ошибаются. Израненный, окровавленный, он раньше или позже овладеет искусством боя и раздавит, растопчет обезумевших палачей.

...Буржуазная демократия опрокинута фашизмом навзничь в нескольких странах. Она должна либо кончать самоубийством, как в Германии, либо начинать подлинную вооруженную борьбу, найдя себе союзников в пролетариате и крестьянстве, как сегодня в Испании.

Но рабочий класс в таком союзе — не бедный и не бездомный родственник. У него есть силы и мужество, у него есть единство, у него есть свой идеал демократического строя, и этот идеал уже осуществлен, он предстанет, как факт завтра в Москве, в Большом Кремлевском дворце, в облике новой сталинской Конституции.

...Издали, сквозь мглу, светит нам этот великий маяк — Москва в ожерелье бриллиантовых огней и высокий Кремль под самоцветными звездами на башнях. И белый зал дворца, и люди в нем. Только здесь, в этом дворце, в этом городе, в этой стране, не испугались фашистского шквала. Только здесь хладнокровно и уверенно готовятся к боевой встрече с ним. И здесь завтра на трибуну взойдет самый спокойный, самый смелый, самый негибимый человек эпохи, великий демократ нашего времени, великий гражданин мира, и перед страной, перед всем человечеством развернет хартию свобод и прав трудящегося народа.

ПРОТОКОЛ

ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА ПО НЕВМЕШАТЕЛЬСТВУ В ИСПАНСКИЕ ДЕЛА

СЛУШАЛИ: Ноты Испанского правительства, обвиняющего Германское, Итальянское и Португальское правительства в помощи генералу Франко оружием, авиацией и людьми. Господа представители Германии, Италии и Португалии с возмущением отрицают выдвинутые против их стран обвинения.

ПОСТАНОВИЛИ: Не может быть, чтобы такие уважаемые джентльмены, как господа представители Германии, Италии и Португалии, могли бы врать. Посему должно считать обвинение выдвинутое против них, недоказанным. Германские и итальянские военные самолеты, равно как и прочее военное оборудование, прибывшее и продолжающее прибывать из этих стран в распоряжение генерала Франко, считать несуществующими, а снаряды и бомбы, разрывающиеся над Мадридом, неразобранными.

Председатель Комитета по невмешательству в испанские дела

Секретарь

Handwritten signatures

6.9.36

Рис. Н. Ротова

Записки из подвала

...Дела далеко не блестящи. Кто мог подумать, что они догадываются раздать оружие мастерам, приказчикам и прочему штатскому сброду! Что делается! Сегодня видел на Пуэрта дель Соль трех хорошеньких девушек с винтовками вместо сумочек. Справедливость требует признать, что военная форма чертовски идет этим девочкам. Впрочем, сейчас мне не до амуров. Дернул меня чорт остаться в тылу у этой сволочи. Того и гляди, выловят и пристрелят. Боже, на кого надеяться, кто нам поможет в нашем святом деле? Если они победят, я остаюсь нищим...

...Дела становятся все хуже и хуже. Вчера меня опознали на улице два астурийских молодчика, с которыми я не совсем вежливо обошелся в тридцать четвертом году. Еле спасся через проходной двор.

На фронте эти вчерашние шпаки почему зря бьют наших. Самое обидное — у наших почти нет самолетов и всего один — два крейсера. На них далеко не уедешь.

...Наших бьют. Тихо отсиживаюсь.

...Все попрежнему. Господи, спаси и помилуй. Хорошо по крайней мере, что я не на фронте. Спешно отрашиваю усы и бороду. Хорошо бы приобрести синие очки.

...Кажется, еще не все пропало. Бог услышал наши молитвы. Если еще сохранились на свете ангелы-хранители, то они, безусловно, носят коричневые мундиры или черные рубашки. Они говорят по-немецки с итальянским акцентом, а на итальянском — с немецким. Только что узнал, что из Германии и Италии прилетели восемь ангелов и шесть архангелов. Потом еще пять и еще три. Господи, укрепи их крылья! Господину Асанья это не нравится. А нам как раз нравится. Ничего не поделаешь — разные характеры.

...Небосклон все более проясняется. Франко удалось перебросить на материк марокканцев. Это хорошие солдаты. Они нас здорово били в свое время. Пусть теперь побьют немного испанских дружинников. В этом даже есть какая-то доля справедливости.

...Архангелы недурно бомбят эту сволочь. Может быть, побриться? Или подождать?.. Подожду.

...Сегодня прочитал в газете про заявление Франко о «пятой колонне». Как видно, пятая колонна — это я и мои молодцы. Постараюсь оправдать доверие его превосходительства. И так, не будем терять золотого времени. Набрался кой-какой план. Вперед, в бой, пятая колонна!

...Сегодня встретился в кафе с доном Педро Хименес, доном Хозе К., доном Педро Н. и одним очень приличным господином, фамилию которого я позабыл. У всех огромные черные бороды. А я думал, что только я один догадался об этом. Положительно, все наши ребята из пятой колонны — парни с головой. Договорился с ними обо всем. Они единогласно избрали меня начальником их пятерки. Дал им боевое задание. Завтра весь Мадрид должен знать, что в ближайшее воскресенье женщины будут национализированы.

...С удовольствием услышал сегодня от моего привратника, что в ближайшее воскресенье, если не подоспеют войска генерала Франко, все мадридские женщины будут национализированы и распределены среди представителей партий народного фронта. Я очень возмущался. Сказал, что Испания этого не допустит.

...Навестил бедного дон Педро Хименес. Он лежит в постели. Его били на базаре, когда он рассказывал достоверные слухи о том, что консервы, присланные русскими рабочими, отравлены мышьяком. Договорились переходить к методам, более достойным кастильского дворянина.

...Проклятье! Вчера видел из окна моих батраков, которые везли на моих лошадях и моих повозках мой хлеб на ихний фронт!

...Спасибо молодому и благородному идалго дону Х., который скрывается под видом простого шофера так называемой народной милиции. Он спер для нас грузовик и три комплекта обмундирования. Дальше все пошло, как по маслу. Мы нарядились в эти отвратительные комбинезоны, нацепили на себя значки народной милиции и в одном из темных переулков остановили двух «камарадос».

— Ваши документы?! — спросил я у них сурово. Они с циничной гордостью предъявили нам документы, выданные штабом ихнего пятого полка.

— Документы у вас не в порядке, — сказал я этим молодчикам, не понимавшим, в чем дело, и предложил им поехать вместе с нами в штаб для выяснения. Они наивно сели в нашу машину, мы их отвезли за город и преспокойно шлепнули. Да здравствует победоносная пятая колонна!

...Святой боже! Они посягнули на твои храмы! В церкви святой Акулины Севильской они устроили госпиталь!

...Молодцы марокканцы! Они показали себя настоящими испанцами, об их храбрости рассказывают подлинные чудеса. Бог поможет им в их истинно испанском деле.

...Я был прав. Бог-отец проживает в Берлине, бог-сын — в Риме, а дух святой — в Лиссабоне. Кстати, кто мог подумать, что эти жуликоватые португальские правители окажутся такими благородными джентльменами. Ангелы-истребители и трехмоторные архангелы-бомбардировщики прибывают к нашему генералу целыми сонмами и даже эскадрильями. Бог подбросил дону Франко также достаточное количество новейших танков и пушек. Ниспосли нам, господа, также и побольше газов в неисчислимой благодати твоей.

...Наши взяли Толедо. Его превосходительство обещал взять Мадрид 7 ноября. С божьей помощью он его возьмет. Это тем более необходимо, что за нашими ребятами начали уже послеживать. Эти разбойники расстреляли молодого шофера, снабдившего нас тогда грузовиком. Варвары!

...Его превосходительство обещает взять Мадрид 10 ноября. Ничего, один-два дня не имеют значения. Марокканцы и герои из иностранного легиона не струсят. Лучшие немецкие летчики и артиллеристы бомбардируют город. Я третий день сижу в подвале. Чертовски неприятно умереть смертью храбрых от снаряда или бомбы, предназначенной не для тебя.

...Есть бог на свете! Лучшее подтверждение этому — три добрых немецких бомбы разнесли вдребезги церковь святой Акулины Севильской, оскверненной красным лазаретом. Впрочем, церковь — чорт с ней! Жалко только, что успели вывезти из нее раненых. Зато рядышком другая бомба укокала восемнадцать сопливых мальчишек и девочек. Ничего, пусть их родители поплачут, пока их самих не расстреляли.

...Теперь уже окончательно намечен срок взятия города нашими войсками. Генерал Франко приказал — хочешь не хочешь — взять его тринадцатого ноября. Пора, пора, ваше превосходительство. А то мне что-то не нравится, как себя ведут эти дружинники. Они уже научились воевать и неплохо сбивают наши самолеты. К тому же мне не нравится излишняя внимательность к моей персоне, проявляемая отдельными жильцами моего дома. Если тринадцатого город не будет взят, мне придется улепетывать.

...Очень плохо. Прошло тринадцатое и четырнадцатое число, а город все еще не взят. У меня чертовски плохое настроение. Единственная радость — вчера расстреляли за шпионаж дон Педро Хименес, которому я уже давно должен восемнадцать тысяч пезет. А в общем, очень плохо. Откровенно говоря, не сидеть же мне всю жизнь в этом проклятом городе. Сегодня ночью надо будет незаметно пробраться к нашим. Лучше я уже вместе с ними вернусь к себе домой. Пропуск я уже достал через одного из моих молодцов. (Она еще живет — моя пятая колонна). Деньги у меня всегда при себе, как и спасительная борода.

...Мысленно прощаюсь со своим подвалом. Часы показывают 11 часов 23 минуты вечера. Через семь минут я спокойно выйду из двери моего дома. Явственно слышно, как стучит мое сердце. Позвольте, это, кажется, не только сердце стучит. Это больше смахивает на какие-то тяжелые шаги. Чорт! Кто это там спускается ко мне в подвал?! Их, кажется, несколько. Слышен ляг оружия. Они без спроса открывают дверь... (На этом записки обрываются).

В. КАТАЕВ, Л. ЛАГИН

П О В Е З Л О

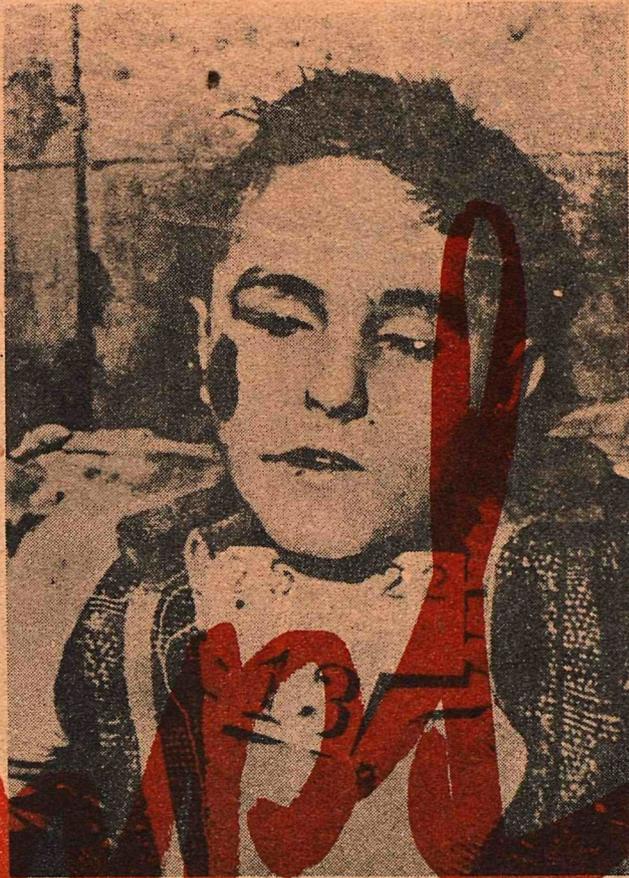
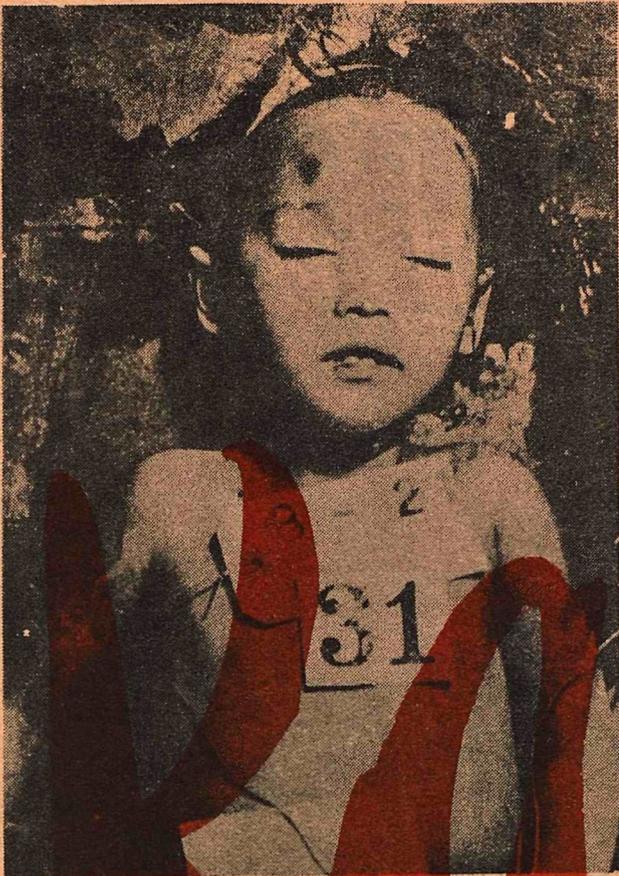
Рис. Бор. Ефимова

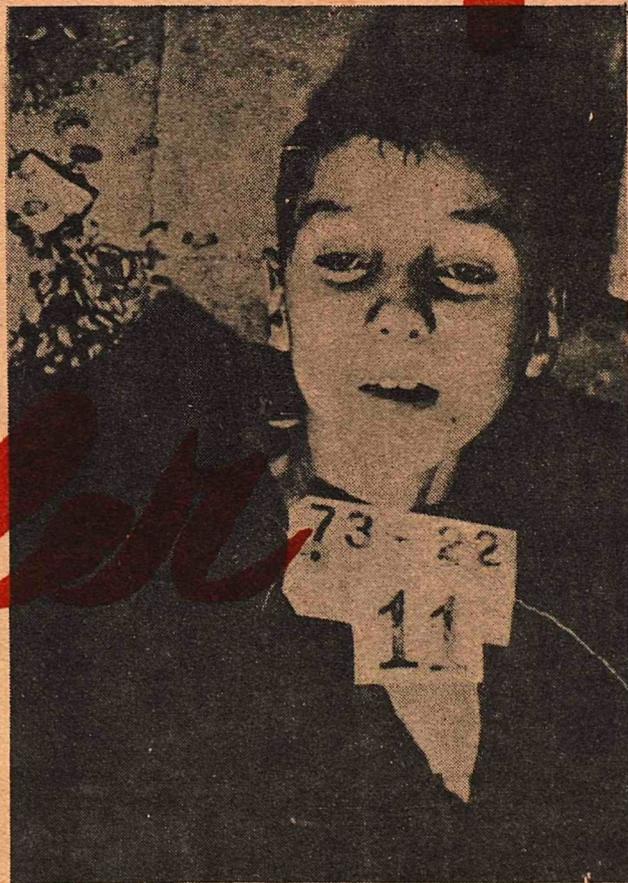
— Сколько у вас детей, Фриц?
— Не меньше пятидесяти. Мне повезло: бомба попала в детский сад.

Alle

Мать

Авдотья Мител

борьба“). А. Гитлер.

Генерал Франко.

ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН

Самую подлую,
самую низкую
сволочь
жестокости оголенной
выстроил Франко
в хунту фашистскую,
в ряд
иностранного легиона.
Татуировка
прикрыта мундирами,
звоном медалей
и блеском нашивок.
Только глаза

Генерал Кабанельяс.

замочными дырами
светятся
фомками легкой наживы.
Эти глаза
на убийство наметаны,
старые,
опытные ворюги,
за итальянскими пулеметами
к мокрому делу
привыкшие руки.
Мрачные авторы
писем шантажных,
маклеры
биржевого навару
и для борделей
шестиэтажных
поставщики
живого товара.
Старые врангелевские
убийцы

в шрамах,
полученных
у Перекопа...
И над Испанией
это клубится,
смотрит из пушек
и перископов.
Фальшивомонетчики,
клерки подчистки
спрятались

от детективной погони
в темном притоне
своры фашистской —
в иностранном легионе.
Сытно накормленные,
пьяные,
завтрашние чигы охранки
лезут,

чтоб жизнь и свободу
Испании
с хрустом
поднять под германские танки.
Бляцки медалей
бренчат на фашисте,
блещут кресты
палаческой славы, —
шлют из Берлина
садистов, почище
тех,

кто Эдгара Андре
обезглавил.

Кто обнасилывал
целые села?
Женщин пытал
рукою холоной?

Кто
поджигал
музеи и школы?—

Мразь
иностранного легиона!

Есть
и испанцы
всякого рода,

жители
бывших богатых кварталов.

Только
для бойни
против народа

явно
своих подлецов не хватало.

Помните
грохоты зданий горящих,

Помните
крик младенцев несчастных!

Помните
сброшенный с «Юнкерса»

ящик
с трупом,

Далеко не дружеские шаржи Бор. Ефимова

Генерал Мола.

разрезанным на части.
Помните
выстрелившие в Дуррути
руки убийц
отъявленных,

низких!

Помните
вырезанные груди
у комсомолки-телефонистки!
Помните крепко
в пушечном дыме,—
мы-то запомним
в Москве отдаленной,—
страшное,
низкое,
грязное имя
иностранного легиона.

СЕМЕН КИРСАНОВ

Генерал Кейпо де Льяно.

БЛИЗ ИСПАНСКИХ БЕРЕГОВ

Рис. Л. Бродаты

— Что же нам делать с этими пиратами, сэр? Они обстреливают коммерческие суда.
— Признать их. Тогда они уже не будут пиратами.

На дворе

На дворе, уткнувшись носом в подворотню, стоял и громко плакал мальчик лет шести-семи. На нем была шапка с длинными, неподвязанными ушами и валенки, послужившие, видать, верой и правдой не одному поколению мальчишек.

Плакал он так горько, что я не выдержал:

— Ты чего реवेशь?

Молчание. Новый поток слез.

— Ага, я понимаю. Ты делаешь каток — поливаешь снег. Молодец, Вася.

— Я не Вася, я Сережа.

— Очень приятно познакомиться. Чего же ты реवेशь. Сережа?

— Так.

— А все же?

Молчание. Всклип и снова поток слез.

— Может быть, тебя кто-нибудь обидел?

— По... би... ли!..

— Кто?

— Ребята по... би... ли!..

— За что же они тебя побили, Сережа?

— За то, что я фашист.

Не каждый день встречаются на московских дворах семилетние фашисты, ревушие в три ручья. Заинтересованный я продолжал допрос с пристрастием.

— Зачем же ты, несчастный, подался в фашисты?

— Я не подавался. Они меня сами так поддали, что я аж полетел!

— Это не ответ, Сергей. Отвечай точно, почему ты стал фашистом?

Сережа вскрикнул, вытер нос болтающимся ухом своей шапки и, тяжело вздохнув, сказал:

— Я потому стал фашистом, что я на нашем дворе самый маленький.

— Точнее, Сергей.

— Я точно. Никто не хочет быть фашистом, когда мы в войну играем. Никто. А меня заставляют и бьют потом. Петька уже четыре раза Буденным был, а Чапаевым — так это даже и не сосчитать. А я все Гитлер да Гитлер.

— Трудно быть Гитлером-то, Сережа?

— А то легко! У Петьки кулак больно тяжелый. Ка-ак даст — не очухаешься! Его все на дворе боятся. Говорят, что у него свинчатая ладошка.

— Так. Плохи твои дела, Сергей.

Сережа вскрикнул и ничего не ответил.

— А сегодня ты кто, Сережа?

— Сегодня они меня Франком хотели сделать. Испанским. Велели мне на Мадрид наступать, а я убежал и спрятался здесь. Они меня ищут теперь.

— Найдут ведь, пожалуй.

— Найдут! С Зинкой я бы еще справился. И с Юркой у нас так на так выходит. А у Петьки кулак свинчатный. Он ка-ак даст!.. Ай, вот они, вот!

В глубине двора показались два мальчика и худенькая девочка в капорчике, с красным крестом на рукаве шубки.

— Бей фашистов! — пронзительно закричал передний мальчик в старом красноармейском шлеме со звездой и ловко попал снежком прямо в нос моему собеседнику.

Не принимая боя, мятежный генерал Франко громко заплакал и бросился наутек.

Я задержал стремительное наступление ополчения народного фронта.

— Не хорошо так, ребята, — сказал я, — почему у вас Сережка отдувается всегда за фашистов? Пусть сегодня она (я указал на девочку в капорчике) будет генералом Франко.

— Какой вы странный! Разве вы не видите, что я Долорес, — сухо ответила девочка в капорчике и, указав на красный крест на рукаве шубки, прибавила: — И потом я лязрет еще.

— Ладно. Тогда пусть он будет Франко, — я указал на мальчика в красноармейском шлеме.

По всем признакам, это и был знаменитый Петька со свинчатым кулаком.

Мальчик в красноармейском шлеме презрительно усмехнулся:

— Как же я могу быть Франком, когда я всех на дворе сильнее? Я их всех на одну руку беру.

— Тогда ты будь Франко, — предложил я второму мальчику в лыжном костюме.

— Не хочу.

— Сережа тоже не хочет.

— Захочет! Эй, Сережка, где ты там? Я тебе три ириски дам. Побудь Франком сегодня.

Никто не ответил.

— Четыре, Сережка!

Вдруг откуда-то из-за поленицы дров раздался дрожащий сережкин голос:

— Пять ирисок и чтоб Петька кулаком не бил, тогда буду.

— Ладно. Выходи, — обрадовался мальчик в лыжном костюмчике.

— И чтоб завтра я обязательно был Чапаевым!

— Ладно, будешь.

— Ириски вперед давай!

— Выходи, выходи.

Я понял, что сделка состоялась, и ушел.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ИДЕЙНЫЕ БОРЦЫ

— Сегодня будем драться, как львы.
В конце улицы я вижу ювелирный магазин.

К.Р.36.

Рис. К. Ротова

СТО ТРИЛЛИОНОВ БЫВШИХ МАРОК

I.

Синьору коменданту IV района Марокко капитану дону Альварес де Канальяс.

С получением сего предлагается вам возможно шире вербовать среди туземного населения солдат для марокканских частей нашей армии. Командование особенно высоко ценит боеспособность марокканских воинов, так как опыт марокканских кампаний 1929—1931 гг. и понесенные нами поражения в боях с туземцами дают для этого исчерпывающий материал.

Единовременно с сим переводим вам 10 000 пезет на под'емные для добровольцев.

Рекомендуем связаться с местными муллами, каковые должны, как и 5 лет назад, агитировать население в пользу предстоящей войны с европейцами (т. е. правительственными частями).

Благосклонный к вам генерал Франко.

II.

Его превосходительству синьору генералу Франко.
Коменданта IV района капитана Альварес де Канальяс
Рапорт.

Во исполнение полученного от вашего превосходительства поручения мною завербовано во вверенном мне округе 196 добровольцев среди туземного населения. Согласно инструкции, связался с виднейшим здешним муллой Мохаммедом ибн-Керим, каковой лично и через муэдзинов неоднократно доводил до сведения населения, что правоверные, принявшие участие в походе вашего превосходительства, получают в раю дополнительно по одной гурии, а павшие на поле брани — от 2 до 3 гурий по твердому списку.

Муллу Мохаммеду из отпущенных вами 10 000 пезет мною выдано 3000 пезет. Прочие деньги распределены между мобилизованными.

Капитан Альварес де Канальяс.

III.

Телеграмма.

Марокко IV военный район

Капитану дону Альварес де Канальяс.

Вербуйте еще тчк Мулле обещайте раю десять тире двадцать гурий двтч деньгами временно заминка

Франко.

IV.

Телеграмма.

Действующая армия генералу Франко

Мулла Мохаммед гурий отказывается зпт говорит он сам работает этом способе настаивает пезетах тчк Отсутствие таковых будет противодействовать мобилизации срочите инструкции

Капитан де Канальяс.

V.

Телеграмма.

Марокко IV военный район

Капитану Канальяс

Арестуйте муллу Мохаммеда

Франко.

VI.

Телеграмма.

Действующая армия генералу Франко

Арестовать недолго зпт муллу фронт не отправишь зпт ез него никто не запишется ряды армии

Канальяс.

VII.

Марокко

IV округ Канальяс

Перевели пять тысяч зпт торгуйтесь муллой хорошенько Франко.

VIII.

Синьору коменданту IV района в Марокко капитану дону Альварес де Канальяс.

Единовременно с сим вам переводится 5000 пезет. Принимая во внимание напряженное финансовое положение в армии, предлагаем вам больше напирать на гурий и вообще на компенсации в раю, а также на огромное жалование в иностранной валюте непосредственно на фронте.

Поищите, нет ли в окрестностях муллы подешевле, чем ваш Мохаммед ибн-Керим.

Благосклонный к вам генерал Франко.

IX.

Его превосходительству синьору генералу Франко
Коменданта IV военного района в Марокко
капитана Альварес де Канальяс
Рапорт.

Подтверждая получение от вашего превосходительства 5000 пезет, довожу до сведения вашего превосходительства, что на сегодняшний день гурий, как таковые, уже мало действуют. По договоренности с муллой Мохаммедом мы перешли к другим методам агитации.

Лучше всего помогают обещания, что занятые в метрополии города будут даны на разграбление правоверным. Очень взволновало всех сообщение о валюте. Интересуются: какая будет валюта?

Однако пезеты, как таковые, не отпадают.

Остаюсь в ожидании вашего превосходительства распоряжений.

Альварес де Канальяс.

X.

Коменданту IV военного района в Марокко синьору дону Альварес де Канальяс

Обещать туземцам разграбление городов в принципе допустимо. Однако лучше говорить о доле в грабеже, ибо монополистические тенденции марокканцев на фронте дурно отзываются на взаимодействующих европейских частях, особенно — иностранном легионе. Валюта будет разная.

Пезеты по мере сил будут высланы.

Примите и проч.

Генерал Франко.

XI.

Телеграмма.

Марокко IV район де Канальяс.

Обещайте что хотите шлите добровольцев под Мадрид Франко.

XII.

Телеграмма.

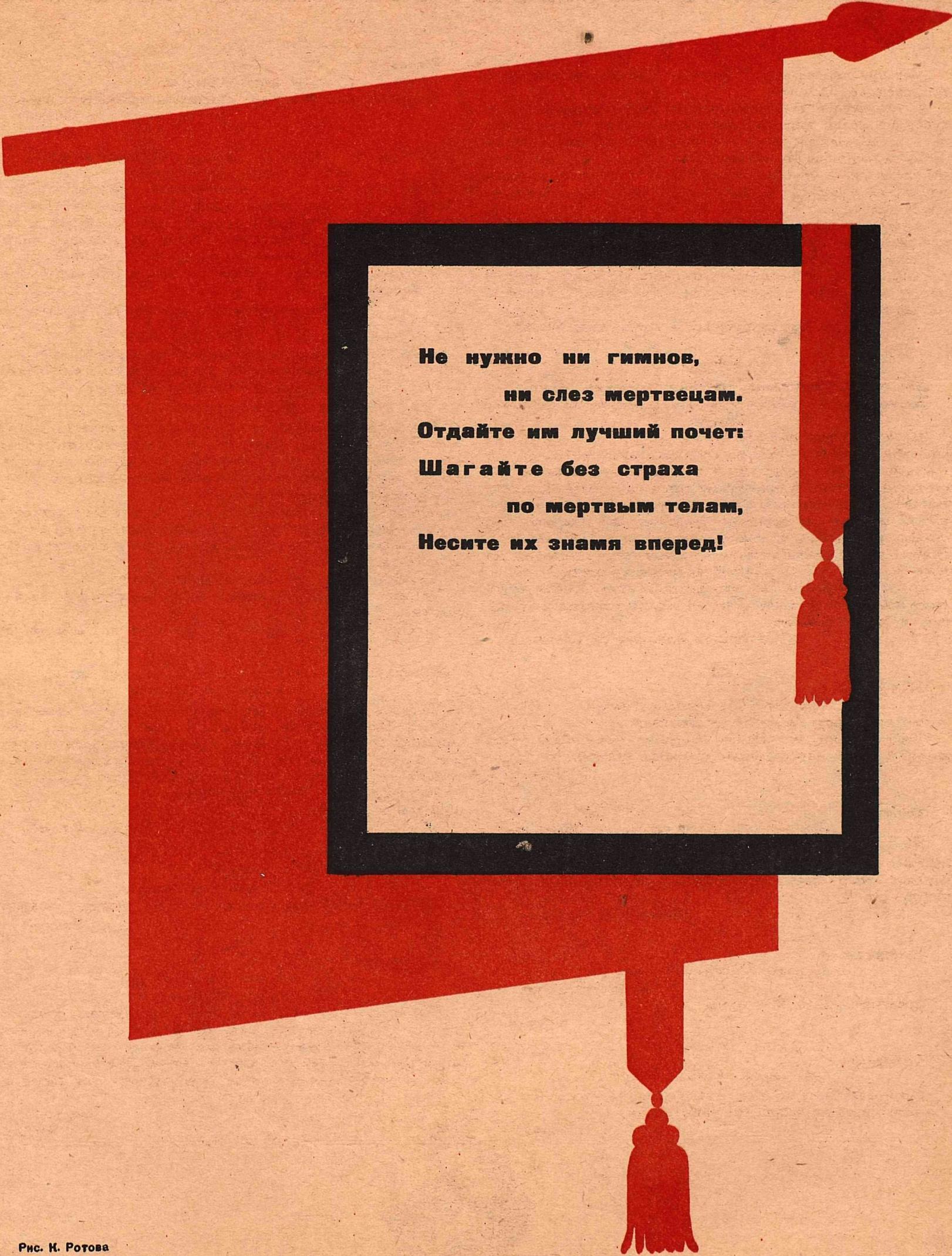
Действующая армия
генералу Франко

Вербовка и мобилизация отпали двтч приехали раненые фронта тчк Полученные ими миллиарды аннулированных немецких марок образца двадцать третьего года купцы не берут тчк. Население все поняло зпт вербуйте отдаленных районах условия недопущения гуда раненых зпт писем с фронта

Канальяс.

В. АРДОВ

**Не нужно ни гимнов,
ни слез мертвецам.
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха
по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!**

М 7950

2 ЛЕН 1936

30
МАТ. АРХИВ
27 НОЯ 1936
ВСССР

Но расащан!

Рис. Л. Бродетсы

Мадрид станет могилой фашизма

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-30-52; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц ●

Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Оформление номера—художника К. РОТОВА

Москва. Изд. № 1079 Сдача текста и рисунков 24/XI—36 г. Подп. к печати 25/XI—36 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 76 000
Уполномоч. Главлита Б—32033 Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1462 Тираж 266 000